

ЛАСЛО ДЭЖЕ (Дебрецен)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДЕЙКСИСА

1. О деиксисе

Деиксис может толковаться по-разному. Ниже под деиксисом понимается отношение членов пропозиции к речевой ситуации. Процесс деиксиса происходит в процессе формирования предложения. Семантическая информация относительно деиксиса содержится во вспомогательных компонентах аргументов и предиката и получает типическое выражение в личных, указательных и других местоимениях, в артикле, в специальных окончаниях существительного, прилагательного, иногда глагола, во видо-временных категориях глагола.

К числу процессов деиксиса относятся следующие:

1. соотношение аргументов с участниками речевой ситуации, при котором участники речевой ситуации типично выражаются 1-ым и 2-ым лицами личных местоимений, а не-участник может заменяться 3-им лицом местоимения или указательным местоимением, напр. русск. *Я отдам тебе его*, венг. *Én odaadom neked ezt/azt*;

2. если не-участник выражается существительным, на него может указать местоимение, при этом могут быть учтены и участники речевой ситуации, русск. *Дай мне тот карандаш*, с. х. *Дай ми ту/ону оловку*;

3. если не-участник выражается существительным, он может быть отождествлен по речевой ситуации, что типично выражается артиклем, болг. *Къшита-та е хубава*;

4. время события, состояния и имени качества соотносится со временем речевого акта, рассматривается говорящим с определенного аспекта, рус. *Мальчик читал/прочитал книгу*. (Этот последний процесс, однако, не будет рассматриваться.)

Деиксис может пониматься уже и еще шире. Так как выделенные выше процессы взаимосвязаны в действительности, формальное выражение разных процессов может регулироваться общими правилами, напр. наблюдаются правила соотношения между выражением идентификации и аспектуальности в венгерском (смотри ниже). Кроме того, категория, характерная для предиката, может быть выражена на аргументе и наоборот, напр. определенная аспектуальная оппозиция выражается падежными окончаниями в финском.

Ниже отмечаются некоторые типологические вопросы процессов деиксиса, подробный анализ которых можно найти в указанной литературе.

Рассматриваются единичные пропозиции (1), потом говорится о некоторых вопросах комплексных пропозиций (2).

О соотношении аргументов с участниками речевой ситуации. Участниками могут быть: говорящий, выраженный первым лицом, адресат, фигурирующий как второе лицо личных местоимений, а не-участник выражается третьим лицом личного местоимения, хотя для выражения последнего могут использоваться и указательные местоимения рядом с личными. Их соотношение может быть разным, напр. в венгерском подлежащее не-участник замещается личным местоимением, если он лицо, а указательным, если он не-лицо. При выражении числа участников и не-участников может учитываться оппозиция „одного“ и „больше одного“ (ед. и мн. число), а внутри „больше одного“ могут различаться: два и больше двух, или два, три и больше трех, хотя число может быть и немаркировано. Первое лицо не-единственного числа может включить или исключить и другое лицо. Итак, система личных местоимений поддается классификации по отношению к участию в речевом акте и по числу, в ней устанавливаются универсалии (см. Ingram).

Если не-участник заменяется указательным местоимением, то признаки указания тоже учитываются, венг. *En neked adom ezt/azt (a könyvet)*. „Я отдаю тебе эту/ту (книгу)“.

Процесс указания. При соотношении аргументов к речевой ситуации не-участник характеризуется лишь негативно, он не является ни говорящим, ни адресатом. Если он заменяется указательным местоимением или, при сохранении существительного, сочетается с ним, он характеризуется точнее. Определяется его место по отношению к месту говорящего: „близко к говорящему“ или „неблизко к говорящему“. Если он „неблизко к говорящему“, то может быть ещё „близко к адресату“ или „неблизко к адресату“. Таким образом возникает двойная или тройная система указательных местоимений. (Сравнение венгерской двойной и сербохорватской тройной систем см. Mikeš-Deže-Vuković.)

Процесс указания, выраженного указательными местоимениями, следует различать от процесса идентификации, для выражения которого типично служит артикль. Было бы, однако, неправильно не учесть их общие черты, которые лежат в основе употребления местоимений в одном языке там, где в другом языке пользуются артиклями. (Соотношение употребления венгерского определенного артикля с сербохорватскими указательными местоимениями рассматривается в Mikeš-Deže-Vuković, см. еще Krámský 188—190 об английском артикле и о чешском *ten*.) Кроме того, известно, что определённые артикли разных языков возникли из указательных местоимений (см. Moravcsik). Артикль, однако, характеризуется отсутствием признака „указания“, который имеет эмфатический характер и зависит от говорящего, напр. о том же предмете я могу говорить пользуясь и местоимением и артиклем: венг. *Add ide (ezt) az asztalt*. „Дай мне (этот) стол“. Данный пример показывает однако и то, что при употреблении артикля не выражается признак отношения места предмета к месту говорящего. Хотя это так в большинстве языков, имеющих артикль, но есть такие языки, в которых артикль различается и по этому признаку, напр. в македонском.

Процесс идентификации. Хотя указание выражается универсальным средством, все же она менее изучена (см. Майтинская), чем идентифика-

ция при помощи артикля (см. Krámský, Moravcsik, Кацнельсон). Обычно функции артикля рассматриваются совместно, но я здесь имею в виду ситуативную идентификацию. Я пользуюсь термином идентификации, но есть и другие: детерминация, определённости, фамильярность. Последние два служат и для названия основного признака.

В языках для выражения идентификации могут служить: 1. определенный, неопределенный артикль, но при них и нулевой артикль имеет узкую или широкую область применения, 2. определенный и нулевой артикль, 3. только неопределенный артикль, при котором роль нулевого артикля неясна, но последний способ применяется редко.

В действительности считаемые вещи могут фигурировать изолированно или в составе множества, имеющего больше одного элемента. Множество может быть обозначено грамматическим числом: множественное и двойное, тройное число, из которых множественное число является универсальным. Обозначение грамматического числа, однако, не является обязательным: в языке йоруба оно получает выражение редко, только тогда, если оно имеет коммуникативное значение, в венгерском оно может быть не выражено при нерелевантности для коммуникации, а в славянских языках выражение числа обязательно. В неединственных числах правила идентификации, разработанные для идентификации изолированной вещи, модифицируются, особенно при наличии неопределенного артикля, который не употребляется во множественном числе.

При грамматическом числе точное число не выражается, за исключением двух, трёх или четырёх в определенных языках. Для выражения точного числа служат числительные, а неточное число и его оценка передается неопределенным числительным. Если вещи рассматриваются не изолированно, а в составе множества, номинальные фразы с числительными первично не идентифицированы, идентификация множества имеет место только вторично: венг. *hat szék* 'шесть стульев', *sok szék* 'много стульев', а *hat szék*, (опр.) шесть стульев', а *sok szék* '(опр.) много стульев'. Неопределенный артикль здесь не употребляется. Он ставится обычно при изолированной или, в определенных языках, при выделенной из множества вещи: венг. *egy szék* '(неопр.) стул', 'один из (опр.) стульев', хотя в венгерском имеется специальное местоимение для обозначения неопределенного элемента определенного множества: *egyik* 'один из'. В венгерском такое значение имеет суффикс *-ik*, который сочетается и с другими местоимениями. Венгерское определенное объектное спряжение употребляется не только при идентифицированной изолированной вещи, но и при неопределенном элементе идентифицированного множества: *látom* 'я вижу' *az asztalt* '(опр.) стол', *azt az asztalt* 'тот стол', *az egyik asztalt* 'один из столов', *valamelyik asztalt* 'некоторый из столов', *melyik asztalt* 'который из столов'. Я привел эти примеры для того, чтобы обратить внимание на более широкий круг определенности, в который входит и употребление указательного местоимения. Это лишней раз указывает на соотношение указания и идентификации.

Отсутствие идентификации изолированной вещи выражается неопределенным артиклем. Так как она изолирована и ее число не выше одного, понятно, что артикль образовался из числительного 'один'. Соотношение числительного и неопределенного артикля хорошо показывают такие

английские примеры: *a chair*, (неопр.) стул', *one chair*, один стул', *one of the chairs*, один из (опр.) стульев'. В сербохорватском языке промежуточное положение между артиклем и числительным имеет *jedan* (см. Ivić): оно еще не артикль, но употребляется и тогда, когда число нерелевантно. Тот факт, что неопределенный артикль применяется при наличии одной вещи, связывает его с числительным 'один', а отсутствие идентификации — с неопределенными местоимениями. В последних, однако, имеется и эмфатический элемент: неопределенность подчеркивается. Так как эмфаза принадлежит к числу субъективных категорий, зависящих во многом от оценки говорящего, в языках с артиклем неопределенность выражается обеими частями речи, а артиклю, напр. венгерского, соответствует ноль, *jedan* или неопределенное местоимение в сербохорватском (ср. Mikeš-Dežec-Vuković).

Как и выражение числа, так и идентификация не являются обязательными в ряде языков с определенным артиклем, она зависит от коммуникативного значения: если она нерелевантна для коммуникации, она может и не обозначаться и тогда, когда вещь могла быть идентифицирована: ср. венг. *a zsüri eredményt hirdet*, *a zsüri kihirdeti az eredményt* 'жюри объявляет результат'. В английском, как правило, такая синонимия невозможна, один из артиклей обязательно употребляется при считаеваемых существительных.

Проблема идентификации этим далеко неисчерпана. Оставим в стороне соотношение разных артиклей, проблемы их формального выражения и места (ср. Krámský, Moravcsik) и ряд других вопросов и отметим только проблему части и целого. Действие предиката может охватить весь субъект или объект или же только их часть; при этом может иметься в виду одна вещь или множество. Данный вопрос тесно связан с проблемой количества: сопоставляется часть и целое — части присуще отсутствие идентификации, а целому наличие идентификации. В данном случае идентификация часто связана с аспектуальностью. В балто-финских языках парциальному падежу, выражающему часть вещи в качестве субъекта и/или объекта, присуща неопределенность, которая имплицитно имперфективную аспектуальность глагола, а номинативу или аккузативу присуща определенность, имплицитно перфективную аспектуальность глагола. Сходное явление наблюдается в литовском, а в неразвитой форме оно наблюдается и в славянских языках, напр. с. х. *Petar je popio вино* и *Petar je pio вина*. В венгерском оппозиция по определенности выражается артиклем или его отсутствием, но наблюдается оппозиция по аспектуальности в переводе сербо-хорватского примера: *Péter megitta a bort*. *Péter bort ivott* (ср. Dezső 1980). Во французском имеется специальный партитивный артикль. Отношение части и целого связано с отношением элемента и множества: элемент и часть являются неидентифицированными, а множество и целое первично идентифицированы, ср. англ. *Peter has eaten the bread | one of the apples*, 'Пётр съел хлеб | одно из яблок.'

2. Некоторые вопросы комплексных пропозиций.

В семантической структуре наблюдается цепь пропозиций, отдельные части которой имеют более тесную связь и в грамматической реализации проявляются в рамках осложненного простого или сложного предло-

жения. Если подчиненная пропозиция присоединяется к одному из аргументов, то она реализуется в разных определительных конструкциях, а если заменяет один из аргументов, то получаются конструкции с отглагольными именами, инфинитивом, деепричастием, придаточные предложения (подробнее см. Дáже 1977). Ниже рассматриваются лишь определительные конструкции, но их проблематика имеет немало общего с конструкциями, заменяющими актанта и сирконстанты.

Определительная конструкция универсально может иметь указательные местоимения, но правила их употребления зависят от вида конструкции и от того, какими специфическими средствами идентификации располагает еще данный язык. Если определение выражается прилагательным или причастием, то язык (1) может и не иметь специфических средств идентификации, (2) он может маркировать идентификацию на существительном (артиклем, специальными окончаниями), (3) для идентификации может служить специальное окончание прилагательного, причастия, (4) оба члена конструкции могут иметь средства для идентификации. За возможным исключением (4), средства идентификации указывают на идентификацию независимо от того, маркированы ли они на существительном или на прилагательном.

Если оба члена определительной конструкции являются именами существительными, и в данном языке имеется артикль, то, судя по данным ряда языков, одно из существительных (определение) располагает артиклем, служащим для идентификации, а артикль другого существительного (определяемого) имеет связывающую роль, точнее идентифицирует данное существительное по отношению к другому существительному: венг. *A/egy fiú/nak a/kalapja eltűnt*, англ. *The hat of the/a boy has disappeared* (Опр.) шляпа (опр./неопр.) мальчика исчезла', где артикль обладателя указывает на контекст или ситуацию, а артикль обладаемого на связь с обладателем. Правда, кроме этого неопределенный артикль обладаемого может указывать на 'элемент определенного множества', напр. *A/egy fiúnak egy kalapja ...* или *A hat of the/a boy ...*, где неопределенный артикль имеет такую роль и может заменяться более специфическими средствами: *az egyik, one of (A/egy fiúnak az egyik kalapja* или *One of the hats of the/a boy)*. Но и здесь множество определяется тем, что имеет обладателя.

Если определяемое существительное сочетается с определительным придаточным предложением, то в способе идентификации наблюдается расхождение. Идентификация номинальных фраз с двумя существительными и с придаточным предложением сходны в том, что только одна из составных частей конструкции идентифицируется, а другая связана только с первой. В отличие от вышеприведенных примеров с двумя существительными, в которых идентифицировалось определение, в конструкциях с определительным придаточным предложением идентифицируется определяемое существительное: напр., венг. *Péter találkozott egy /a/ azzal a fiúval, aki elkésett*, Петр встретился с (неопр./опр.) / тем мальчиком, который опоздал', а в определении содержится относительное местоимение, связывающее определение с определяемым существительным. В правилах идентификации следует учесть и идентифицирующую роль определения, которой здесь не занимаемся.

Если относительное местоимение указывает лишь на связь (напр. русск.

который) и не имеет добавочную функцию (как, напр., русск. *какой*), то его роль близка к роли артикля, связывающего два имени номинальной фразы.

В определенных языках оно может отсутствовать (напр., англ. *that*) так же, как и венгерский артикль (*a fiú Ø kalapja*), а на соотношение указывает лишь порядок слов так же, как и в венгерских конструкциях типа: *szép fiú* 'красивый мальчик', *vas ajtó* 'железная дверь'.

В синхронии сложноподчиненные предложения с придаточным определительным являются реализацией двух пропозиций, имеющих общий элемент и следующих одна за другой. В диахронии они возникли из двух самостоятельных предложений, стоящих рядом. Этим объясняется вид идентификации, характерный для определительных конструкций с придаточным предложением. Релевантное существительное доминантного предложения идентифицировалось по ситуации или контексту, а соответствующее ему существительное недоминантного предложения было снабжено местоимением, которое указывало не на контекст вообще, а именно на доминантное предложение. Так как доминантное предложение могло предшествовать и следовать недоминантному, связывающее их местоимение недоминантного предложения могло быть анафорическим местоимением, указывающим, как правило, назад или вопросительным, указывающим, как правило, вперед.

По свидетельству определенных фактов диахронии, легче спаялись два самостоятельных предложения, если между ними наблюдалась анафорическая связь, и труднее образовалось сложное предложение из двух предложений с вопросительной связью. Этим и объясняется более раннее появление относительных местоимений, возникших из анафорических, и более позднее образование вопросительно-относительных местоимений в индоевропейских языках и более позднее образование придаточных предложений там, где они возникли на базе только вопросительной связи (напр. в венгерском).

Оставляя в стороне проблемы определительных предложений, мы укажем лишь на некоторые черты конструкций, в которых придаточное предложение заменяет актанта или сирконстанта главного предложения. Сам тот факт, что данный член предложения, обычно существительное, отсутствует, ограничивает средства соотношения двух предложений: в главном может стоять только указательное местоимение, правила употребления которого варьируют по языкам. Об относительных местоимениях, местоименных наречиях придаточного можно сказать в основном то же самое, что говорилось выше, однако может наблюдаться и ряд различий, обусловленных другими конструктивными особенностями и в синхронном и диахронном планах.

Литература

- Дэже, Л., 1977. *Типологические вопросы контекста*. *Slavica Slovaca* 12, 199—204.
Dezső, L., 1980. *Studies in syntactic typology and constratives grammar*. Budapest.
Ingram, D., *Typology and universals of personal pronouns*. WPLU 5.
Ivić, M., *Leksema jedan i problem neodređenog člana*. *Zbornik za filologiju i lingvistiku* 14.
Кацнельсон, С. Д., 1972. *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград.
Krámský, J., 1972. *The article and the concept of definiteness in language*. The Hague.
Майтинская, К. Е., 1969. *Местоимения в языках разных систем*. Москва.
Mikeš, M. — Deže, L. — Vuković, G., 1972. *Osnovna pitanja nominalne sintagme*. Novi Sad.
Moravcsik, E. 1969. *Determination*. WPLU 1. 64—98.